

Методологический потенциал риторики для исследования проблемы властных отношений в социальной философии

Е. П. Подкопаева, преподаватель

Данная статья представляет собой попытку использования методологического потенциала древнегреческой риторики для анализа проблемы властных отношений. Автор выделяет ключевые идеи древнегреческой риторики, которые могут быть интегрированы в концептуальный и методологический каркас современной философии, и выстраивает на этой основе концепцию риторической коммуникации, позволяющую анализировать специфику реализации власти в современном мире. Обращение к данной концепции позволяет указать на функциональную значимость речи, выступающей как инструмент реализации власти, и проанализировать отдельные технологии влияния на сознание слушателей, используемые субъектом власти.

Ancient Greek Rhetoric as Methodological Basis for the Analysis of Power Relations in Social Philosophy

K. Padkayeva, Teacher

The article is viewed by the author as an attempt to apply the ideas developed in ancient Greek rhetoric for the analysis of power relations. The author marks out the key concepts of ancient Greek rhetoric which can be integrated in conceptual and methodological framework of modern philosophy, and applies it to form the foundation of the model of rhetorical communication. Rhetorical communication is developed as a means of analysis of how power is realized in the modern world. The model allows to examine the functioning of speech as an instrument of power relations and to analyze the specific technologies of influence upon the conscience of listeners, which are used by the subject of power.

Проблема власти и властных отношений находилась в центре внимания философов на протяжении всех этапов развития философского знания. Сегодня социально-философский анализ власти в большей степени сосредоточен на ее коммуникативном аспекте. Этому способствовала историческая трансформация данного феномена [1, с. 241–242] и, прежде всего, возросшая значимость информации как ресурса власти [2, с. 36–42]. Современные исследователи, такие, как Х. Арендт, М. Фуко, П. Бурдьё и другие, сосредотачивают свое внимание не на власти как таковой как способности личности или группы реализовывать свою волю, оказывать воздействие на других людей или групп, а на властных отношениях как реализации этой способности. Власть при этом рассматривается как потенциальная возможность осуществлять воздействие, которая определяется наличием ресурсов, средств власти. Властные отношения, с другой стороны, определяются как процесс реализации власти, обусловленный умением субъекта власти вступать во взаимодействие с людьми и реализовывать властный потенциал – оказывать влияние, используя ресурсы власти.

В контексте данной проблематики перспективным является обращение к древнегреческой риторике, которая обладает значительным методологическим потенциалом для изучения отдельных форм комму-

никативного взаимодействия и влияния в процессе коммуникации. Разработанные древнегреческими философами методы и технологии, позволившие исследовать проблему коммуникативного влияния на людей, или проблему убеждения, помогут более полно проанализировать властные отношения. При этом властные отношения мы будем рассматривать в данной работе как тип социальных отношений, основанных на влиянии, которое представляет собой способность целенаправленно воздействовать на структуры сознания и, в конечном счете, на поведение и действия других людей [см. о проблеме власти и влияния: 3, с. 27–28]. Для достижения цели работы мы выделим наиболее значимые идеи древнегреческой риторики, которые могут быть интегрированы в концептуальный и методологический каркас современной философии, и продемонстрируем методологический потенциал данных идей для анализа проблемы властных отношений в современном мире. Для иллюстрации возможности использования полученной модели мы обратимся к исследованию отношений «преподаватель – учащийся» как отношений, основанных на влиянии.

Одним из открытий древнегреческой риторики можно считать представление об убеждающей речи как социальном и, прежде всего, политическом инструменте. В древнегреческих полисах речь успеш-

но использовалось искусными ораторами как средство управления государством. Законы не навязывались силой авторитета, их правильность должна была быть доказана посредством аргументации. Ж. П. Вернан, исследовавший генезис греческой мысли, отмечал, что эффективность речи была первоначально осмыслена как ее действенность в политической сфере: «логос осознал свою эффективность через политическую функцию» [4, с. 133].

Идея о социальной инструментальности речи нашла отражение в понятии ораторского мастерства как «техне», раскрытой древнегреческими философами. «Техне» определяется Аристотелем как «приобретенная привычка творчества, следующая разуму, или разумная творческая привычка» [5, с. 281]. С этой точки зрения сфера риторики имеет дело с продуктивной социальной деятельностью, она представляет собой постоянный поиск и изобретение новых речевых образцов. Риторика превосходит совокупность методов и технологий убеждающей речи. Она предполагает наличие способностей, творческую активность человека, направленную на изменение социальной действительности.

Вторым открытием древнегреческой риторики является понятие мнения как естественной формы человеческого знания. Софисты определяли мнение как неполное знание, которое, тем не менее, является важнейшей опорой человеческой деятельности, или представляет собой эпистемологическую основу социальной жизни. К примеру, Горгий утверждал, что мнение более свойственно уму человека, чем знание, и причина этому – свойства человеческой памяти: «не так-то легко помнить прошедшее, разбирать настоящее, предвидеть грядущее» [6, с. 61]. Представление о том, что человек действует, опираясь не на полное знание, а на мнение относительно какого-либо предмета, опирается на принцип философского релятивизма, выраженный Протагором в утверждении «человек есть мера всех вещей...».

Идея о мнении как о форме знания, организующей социальный мир, реконструируется в современной философии и неориторике. Основным отличием современной теории мнения от античной является то, что источником неполноты знания о социальном мире признается не память человека, а сам объект социального знания – изменчивая, многогранная действительность. Действительно, в социальной реальности мнения занимают особое место, так как они являются сущностным отражением объективных общественно-политических противоречий и изменений. Данная идея раскрывается немецкими неориторами. Например, П. Птассек конструирует параллели между «миром риторики» и «миром политики», подчеркивая несвободу «социальной материи» от риторических структур. Исследователь указывает на

то, что проблема «мнений», являвшаяся с античности прерогативой риторики, соотносима с социальным знанием, «которое ближе к мнению, а не к истине» [7, с. 216]. Поэтому идея софистов о мнении как форме социального знания обладает определенным эвристическим потенциалом для исследования проблемы властных отношений в социальной философии.

Третьим значимым положением, которое развивалось древнегреческими философами, является этическая детерминация риторики. Сократ и Платон были убеждены в том, что подлинная риторика является этически фундированной, что отличает ее от сноровки, умения увлечь душу слушателя, не опираясь на знания и не аргументируя свои утверждения. Платон сформулировал правила подлинной риторики, которые составляют этическую основу любой риторической теории. Согласно первому правилу, речь оратора должна быть ориентирована не на мнения толпы, а на достижение подлинного знания. Мерило правильности риторического искусства Платон находит не в слушателе, которому нужно угождать, а в предмете, вещи, которая является предметом речи. Во-вторых, Платон считает, что риторика как настоящее искусство должна способствовать «устремлениям людей к благому и прекрасному, изобличать преступления, избавлять от несправедливости» [8, с. 519]. Ораторы должны, согласно Платону, постоянно держать в уме высшее благо и стремиться, чтобы «граждане, внимая их речам, сделали как можно лучше» [8, с. 546].

Таким образом, мы можем выделить следующие критерии, определяющие границу допустимого в процессе коммуникативного воздействия одних индивидов на других. Первой коммуникативно-риторической нормой является объективный критерий – норма верности объекту. Платон описывал его как устремление оратора к истине и «высшему благу». Вторым критерием является этический, превращающий риторику из «угодничества» в «прекрасное попечение о душах сограждан» [8, с. 547]. Этот критерий включает стремление оратора воспитать добрые устремления у слушателей, сделать их лучше, а именно, почтительными к законам и порядочными, справедливыми, воздержанными и честными. Объективный и этический критерии формируют риторический идеал, норму, которая, тем не менее, исполняется лишь по усмотрению самого оратора.

Этическая норма позволяет выделить два типа риторики – внушающую и убеждающую. Технологии формирования софистической риторики основаны на релятивизме и принципе правдоподобия и описываются как стремление «сообщить веру без знания» [8, с. 487]. Адресат такой риторики представляется оратору объектом воздействия, простым слушателем.

лем, которым легко манипулировать. С другой стороны, технологии убеждающей риторики базируются на идее логоса как единства мысли и слова, а также понятии об абсолютности истины как идеале, который определяет «подобающее» и «неподобное» в речи оратора. Адресат в этом случае является деятельным участником (например, судьей в контексте судебного красноречия), имеющим право на самостоятельность мысли и слова, и умеющим пользоваться правом на речь.

Четвертой идеей, представляющей интерес для исследователей властных отношений, является представление Аристотеля о доказательности и убедительности речи. Аристотель четко определяет предмет риторики. Согласно философу, «дело риторики – не убеждать, но находить способы убеждения... относительно каждого данного предмета» [9, с. 19]. Согласно Аристотелю, убедительность речи имеет два аспекта. Во-первых, в ее основе лежит демонстрация формальной правильности рассуждения в монологической форме, то есть демонстрация того, что обоснование утверждения является верным с точки зрения формальной логики. Однако развивая теорию энтимемы, Аристотель показывает, что часто демонстрация формальной правильности аргументации не может служить достаточным основанием убедительности. Доказать тезис – значит сделать его понятным, и, более того, приемлемым для адресата. Убежденность не является продуктом простого высказывания смысла, убеждение есть процесс демонстрации чьей-то точки зрения как правдоподобной для другого, то есть согласование ее с собственными знаниями другого человека. Тем самым, субъект речи (адресант) должен стремиться обосновать тезис таким образом, чтобы для него нашлось место в представлениях об устройстве мира (смыслового поля, или модели мира) слушателя (адресата). Поэтому риторика, согласно Аристотелю, является, с одной стороны, «наукой аналитической», и в этом она подобна диалектике, а с другой стороны – «наукой политической», касающейся нравов [9, с. 27]. Риторика, тем самым, принадлежит двум мирам – миру истины и миру мнения, и балансирует на линии соприкосновения этих миров.

Обращение к данным идеям, разработанным в древнегреческой теории риторики, позволяет раскрыть функциональный аспект речи в процессе реализации власти. Речь, произнесенная субъектом власти, является важнейшим инструментом властных отношений. Поскольку в основе речевых стратегий субъекта власти лежит неполное знание, или мнение, речь субъекта власти может быть представлена как технологии влияния на сознание слушателей, или процесс убеждения. Данный процесс можно рассматривать как представление субъектом власти ве-

роятностных моделей социальных событий, определение критериев оценки и предпочтительного отношения к данным событиям. Таким образом, важнейшим средством реализации властных отношений является речевая деятельность, направленная на моделирование социальной реальности в сознании слушателей.

Обращение к древнегреческой теории риторики позволяет выделить ключевые факторы, определяющие эффективность достижения социально-политических целей оратором. Во-первых, в процессе риторического влияния субъект речи сообщает некоторые знания адресанту, используя их как средство формирования его убеждений. Данное условие было сформулировано Платоном как необходимость «обладать истиной» для того, чтобы произнести социально значимую речь.

«Обладание истиной» обеспечивает потенциал влияния, но не является достаточным условием для реализации риторической коммуникации. Вторым функциональным параметром является характер использования ресурсов в соответствии с конкретной целью, которую ставит перед собой субъект речи, и спецификой аудитории, к которой он обращается. Аристотель отмечал, что доказательство как демонстрация истинности положения не может служить достаточной основой для изменения убеждений другого человека. Социальный эффект речи основывается на использовании технических средств убеждения, которые представляют собой аргументационные технологии, позволяющие субъекту речи организовывать риторическую коммуникацию в соответствии с поставленными целями. Данные технологии были исследованы Аристотелем посредством выделения этоса, пафоса и логоса риторически организованной коммуникации.

Третьим параметром, исследованным в античной философской традиции, является специфика аудитории, к которой обращается субъект речи. Она детерминирует выбор коммуникативно-риторических ресурсов и аргументационных технологий субъектом речи. Согласно Аристотелю, субъект речи должен принимать во внимание «нравы» людей, составляющих аудиторию. Философ утверждал, что для людей различного возраста, происхождения, благосостояния те или иные аргументы являются более или менее убедительными [9, с. 95–101].

Данные параметры эффективности речи, производимой субъектом власти, стали основой для формирования концепции риторической коммуникации, которая была представлена нами в четвертом и пятом номере журнала «Ноумен» [10; 11]. Риторическая коммуникация определяется нами как теоретико-методологическая модель, позволяющая исследовать особую форму взаимодействия людей, коммуника-

тивной преференцией которой является убеждение. Вышеуказанные параметры были рассмотрены нами как единство трех компонентов – информационного воздействия, аргументации и компетентности коммуникантов. Анализ данных компонентов в их взаимосвязи рассматривается как теоретико-методологическая основа для анализа властных отношений в современном мире.

В рамках модели риторической коммуникации властные отношения рассматриваются как динамичные, развивающиеся, определяемые множеством факторов. В основе власти лежит совместная деятельность людей, человеческие взаимоотношения. Динамический характер власти означает постоянное изменение характеристик и контекста реализации властных отношений, что приводит к необходимости для адресанта власти подтверждать свое «право на власть». То есть всякий раз эффективность властного воздействия будет зависеть от того, насколько успешно адресант оценил компетентность адресата и выбрал в соответствии с ней информационные и аргументационные ресурсы.

Властные отношения в современном мире немыслимы без опоры на информационные ресурсы, заменяющие сегодня силу и богатство, на которых основывалась власть в прежние эпохи. «Право на информацию», или «право знать», которое можно интерпретировать как неотъемлемое право каждого гражданина общества, предполагает активность адресата власти, сопоставление им имеющихся сведений, критический анализ и оценку представляемых субъектом власти аргументов. Это означает, что для успешной реализации властного потенциала субъекту власти следует уделять особое внимание коммуникативно-риторическим параметрам своей деятельности, а именно – своей собственной компетентности; умению найти «общие основания» с аудиторией; построить на этих общих основаниях свою аргументацию; включить в нее наиболее «выгодные» с точки зрения поставленной цели информационные блоки; позаботиться о возможности обратной связи, которая позволит быть более «гибким». Интеллектуально-смысловое воздействие, когда принятие решений адресатом «подконтрольно сознанию и соответствует реальной ситуации» [12, с. 27], является наиболее оптимальным средством реализации власти в современном мире. Властные отношения не только в политике, но и в сфере образования, в сфере религии, духовного производства, трансформируются и требуют учета указанных коммуникативно-риторических параметров.

Риторическая коммуникация представляет собой контроль и управление структурированием восприятия и оценки индивидом социального мира. Она предполагает предвосхищение того, как адресат

воспримет и оценит сообщение адресанта, будет ли он подчиняться субъекту власти. Идею о конститутивном характере риторической коммуникации в структуре властных отношений подтверждает исследование роли речи в структуре власти, которое осуществил Р. М. Блакар. Он определяет осуществление социальной власти с возможностью структурировать и обуславливать опыт индивида (адресата властного воздействия). Всякое использование языка, по мнению Р. М. Блакара, предполагает подобный «структурирующий и воздействующий эффект». Исследователь делает вывод, что использование языка в различных социальных сферах предполагает осуществление власти [13, с. 88–90]. Структурирование опыта индивида в контексте риторической коммуникации мы описываем в терминах информационного воздействия, в рамках использования аргументационных технологий. Моделирование убеждений осуществляется за счет использования средств аргументации, позволяющих прогнозировать, какой «смысл» будет извлечен адресатом из сообщения. Интериоризация смысла, в свою очередь, обусловлена компетентностью адресата. Отсюда, эффективность влияния зависит от того, насколько успешно адресант оценил компетентность, и смог ли он найти «общие основания» для выстраивания собственной аргументации.

Для того чтобы проиллюстрировать возможность исследования отдельных форм властных отношений сквозь призму модели риторической коммуникации, обратимся к влиянию, осуществляемому в образовательном процессе, а именно, к отношениям «преподаватель – учащийся». Образование мы рассматриваем в данном контексте как влияние на сознание учащихся, осуществляемое как «процесс создания и реализации системы представлений индивида о культурном пространстве, о своем месте и культурном содержании общения в этом пространстве» [14, с. 479]. В данном случае влияние реализуется с целью формирования системы ценностей, мировоззрения индивидуумов, что во многом определяет облик общества и его развитие. Риторическая коммуникация позволяет раскрыть механизм этого влияния и рассмотреть критерии его эффективности.

Влияние, оказываемое на учащихся, может быть рассмотрено как совокупность нескольких коммуникативно-риторических параметров, включающих интериоризацию знаний, выстраивание и трансформацию предпочтений и систем оценки социальных явлений, усваивание принятых норм и образцов поведения и т. д. Важным требованием, можно сформулировать для риторической коммуникации в образовании, является единство двух «векторов» – «интенции к истине» и «интенции к власти» адресанта речи. Данное требование, которое было постулиро-

вано в античной теории риторики, объединяет философский критерий качества образования – критерий истинности как соответствия знаний действительности, герменевтический критерий – адекватное понимание преподавателя учащимися, и риторический критерий – убедительность речи, которая в данном случае необходима для повышения мотивации и интереса учащихся, их стремления познавать. Центральным для риторической коммуникации в образовании должна быть истина, выступающая как цель и идеал познания. Исходя из данного критерия формулируются нормы отбора информации для предоставления учащимся, а также выбора средств аргументации для ее трансляции.

Обратимся к следующим коммуникативно-риторическим факторам, определяющим эффективность влияния на сознание студента: 1) передача и усвоение студентами фиксированного объема знаний (информационное воздействие); 2) особенности оформления и подачи знаний (аргументация); 3) учет уровня подготовленности, знаний и умений студентов как будущих специалистов (компетентность).

Информационные ресурсы реализации отношений «преподаватель – учащийся» включают в себя фиксированный объем систематизированных знаний, которыми должен овладеть каждый член общества, а в системе высшего образования – будущий специалист высшей квалификации. Для примера обратимся к курсу «Философия в современном мире», читаемому студентам гуманитарных и естественнонаучных специальностей БГУ. Основной целью курса является ознакомление студентов с наиболее значимыми идеями и концепциями современной философии [15, с. 3]. Им необходимо усвоить определенный объем знаний, включающих знания о специальной терминологии и об особенностях оперирования терминами; о базовых стратегиях постклассического мышления, о важнейших проблемах и вариантах их рассмотрения в современной философии. Информационная основа риторической коммуникации в отношениях «преподаватель – учащийся», таким образом, отражает содержательную сторону обучения и является необходимым компонентом образовательного процесса.

Интериоризация новых знаний учащимися зависит от успешности стратегий оформления информации в соответствии с конкретной ситуацией ее воспроизведения, а также поставленных целей обучения. В процессе преподавания информация оказывается включенной в коммуникативно-риторические средства осуществления влияния, представляющие собой в совокупности формальную и неформальную (риторическую) аргументацию. Аргументация преподавателя как адресанта риторической коммуникации обладает своей спецификой. Она основана преимущественно на апелляции к логосу, то есть представляет собой обращение к разуму, способности осуществлять логический анализ отношения между тезисом и доводами, оценку достаточности и достоверности данных/фактов, на которых основан тезис. Этим она отличается как от аргументации духовного лица, основанной на апелляции к этосу, так и от аргументации в речи политика, зачастую выстраиваемой с целью стимулирования эмоций аудитории.

Эффективность влияния в отношениях «преподаватель – учащийся» производна и от третьего функционального элемента риторической коммуникации – компетентности. В сфере образования феномен компетентности, а именно исследование компетентности студента (исходной и достигаемой), представляет особую значимость. Обучение представляет собой передачу ценностно и идеологически нагруженной информации, которая оказывает воздействие на формирование ценностных предпочтений и стратегий поведения молодых людей. Поэтому для преподавателя исключительно важно, чтобы ученики или студенты правильно понимали преподносимую им информацию. Это возможно лишь в том случае, если преподаватель будет осуществлять отбор информационных ресурсов и преподносить знания в соответствии с компетентностью студентов. Рассмотрим важнейшие компоненты компетентности студента, на которые следует обращать внимание преподавателю.

Компетентность участников риторической коммуникации в сфере образования может быть структурно представлена как совокупность трех компонентов: 1) мировоззренческого; 2) когнитивного; 3) операционально-деятельностного. Мировоззренческий компонент коммуникативно-риторической компетентности включает в себя нравственные ценности, гуманистические ориентации, совокупность личностных качеств. Когнитивный компонент конституируется знаниями о закономерностях риторической коммуникации, коммуникативных свойствах адресата, формулированием коммуникативно-риторических задач, моделированием коммуникативного поведения. Операционально-деятельностный компонент определяется умениями и навыками, интегрирующими собственно коммуникативное поведение. Среди них можно выделить следующие: владение правилами и нормами общения, умение выбирать и актуализировать различные средства риторической коммуникации с учетом изменения условий и т. д.

Мы полагаем, что центральным и определяющим компонентом компетентности в отношениях «преподаватель – учащийся» является когнитивный компонент. Риторическая коммуникация реализуется в данном случае как убеждение, основанное на апелляции к логосу. Преподаватель как адресант риторической коммуникации осуществляет влияние на структуры

сознания студента (когнитивные структуры), при этом процесс влияния может трактоваться как «создание мыслительных пространств у адресата» (Заммунер Л. В.) [16, с. 95]. В процессе обучения преподаватель, обращая внимание на когнитивный компонент компетентности студентов, соотносит собственные требования с умением студентов самостоятельно осуществлять планирование, рефлекссию, самооценку учебной деятельности, а также руководствуется принципом «от простого к сложному», предлагая материал, основанный на уже усвоенных студентами знаниях. К примеру, в программы курсов по философии, читаемых студентам различных факультетов, вносятся изменения в соответствии со специализацией студентов. Таким образом, ориентация на когнитивные параметры компетентности студентов дают возможность выбрать наиболее эффективный способ реализации риторической коммуникации для достижения целей образования.

Обращение к теории риторики, развиваемой древнегреческими философами, дало нам возможность представить властные отношения как принципиально динамические отношения, которые реализуются в социальном пространстве и представляют собой особый тип коммуникативного взаимодействия. Модель риторической коммуникации, основанная на древнегреческой риторической традиции, позволила более полно раскрыть роль речи как эффективного социально-политического инструмента в современном мире, а также показать, что наличие ресурсов недостаточно для реализации властного потенциала. Необходимым условием для успешной реализации власти является обращение к аргументационным технологиям и принятие во внимание компетентности адресата. Модель риторической коммуникации может быть использована как методология исследования различных сфер реализации власти, в том числе, в сфере образования. Влияние на сознание учащихся было рассмотрено нами как единство трех аспектов – философского, герменевтического и риторического, которые представляют собой критерии качества образования.

Использованная литература

1. Брэтон, Ф. Выбух камуникацыі: нараджэнне новай ідэалогіі: пер. с фр. / Ф. Брэтон, С. Пру. – Минск: Беларускі Фонд Сораса, 1995. – 336 с.
2. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти: пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 669 с.
3. «Технология власти»: (Филос.-полит. анализ) / отв. ред. Р. И. Соколова. – М.: РАН. Ин-т философии, 1995. – 163 с.
4. Вернан, Ж. П. Происхождение древнегреческой мысли: пер. с фр. / Ж. П. Вернан; общ. ред. Ф. Х. Кессиди. – М.: Прогресс, 1988. – 224 с.
5. Аристотель. Этика (к Никомаху) / Аристотель // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск: Лит-ра, 1998. – С. 139–409.
6. Горгий. Похвала Елене / Горгий; пер. С. Кондратьева // Практикум по истории риторики / Л. А. Мурина [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2003. – С. 59–64.
7. Ptassek, P. Macht und Meinung. Die rhetorische Konstitution der politischen Welt / P. Ptassek. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1992. – 290 s.
8. Платон. Горгий. / Платон // Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор / общ. ред. А. Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1999. – С. 477–575.
9. Аристотель. Риторика / Аристотель // Античные риторики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 15–167.
10. Подкопаева, Е. П. Концепция риторической коммуникации как модель реализации властных отношений / Е. П. Подкопаева // Ноумен. – 2005. – № 4. – С. 111–128.
11. Подкопаева, Е. П. Формы реализации власти: в контексте концепции риторической коммуникации / Е. П. Подкопаева // Ноумен. – 2005. – № 5. – С. 116–126.
12. Линецкий, М. Л. Внушение. Знание. Вера / М. Л. Линецкий. – Киев: Изд-во политической литературы Украины, 1988. – 160 с.
13. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия: сб.: пер. с англ., фр., нем. яз. / под общ. ред. В. В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88–126.
14. Савелова, С. Б. Образование / С. Б. Савелова // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск: Изд. В. М. Скакун, 1998. – С. 479–480.
15. Философия в современном мире: учеб.-метод. комплекс / под ред. А. И. Зеленкова. – Минск: Изд. центр БГУ, 2005. – 215 с.
16. Zammuner, V. L. Speech Production: Strategies in Discourse Planning: a Theoretical and Empirical Enquiry / V. L. Zammuner. – Hamburg: Buske, 1981. – 316 p.